

ВООБРАЖЕНИЕ И ЕГО ПЛОДЫ

Е.В. Глинчикова

ПОСТИЖЕНИЕ КАК ТВОРЧЕСКИЙ АКТ

Аннотация. Данная работа не представляет собой научного исследования в классическом смысле этого слова. Здесь собраны три литературно-философских эссе автора, написанные на разные темы. В целом, это размышления, вписанные в канву эмоционального восприятия объектов культуры с их смыслами и такого же эмоционального восприятия темы творческого вдохновения. В задачи автора входит намеренный отход от привычной логики и методологии научного исследования, с целью дать возможность взглянуть на постижение человека по-новому. Автор пытается уйти от субъект-объектного дуализма, внутри которого сознание всегда обречено оставаться расколотым.

Недостаток научной позиции, обращенной к человеку, как объекту своего исследования, заключен в том, что сама она вносит в объект своего собственного исследования неизбежное искажение тем самым фактом, что, по сути, постулирует позицию анализа, расчленения целого на части, как непреложную. То есть ученый по непонятному признаку выделяет для себя объект исследования, само это выделение отрывается от целого и рассматривается отдельно, создавая в попытках его сознательного восприятия герменевтический круг. Таким образом, человеческая самость в антропологическом исследовании оказывается всегда невосполнимой, неудовлетворенной до конца, всегда страдающей, всегда обреченной на сомнения.

Автор в данной работе делает попытку представить акт исследователя в качестве творческого акта, в котором первичная структура не определяется выделением отдельно объекта исследования, но раскрывается сама в процессе растворения размышления в эмоциональном восприятии. Здесь структура перестает быть универсальной и становится жизненной, живой, личной, вписывается в канву ауторитмии человеческой жизнедеятельности. В качестве итога можно просто отослать к самому реализованному творческому акту автора, представленному в попытках работы с разными литературными жанрами, памятуя о целях и задачах философско-литературного эксперимента. Выводы о качестве и значимости этой попытки автор представляет на волю читателей.

Ключевые слова: творчество, самопознание, ауторитмия, литература, философия, антропология, стихи, эссе, познание, герменевтический круг.

О чем молчит тишина?

Среди слов я пускаюсь в поиски смыслов, среди слов я ищу красоту... Но «мысль изреченная есть ложь», проступит в сознании тютчевская истина. Все ясные смыслы похожи на предметы: днем имеют четкие очертания, а ночью превращаются в немые тени, в свою противоположность. Значения слов зависят от контекста, в котором они произносятся. Причастность к контексту достигается лишь через вовлеченность в происходящее, в живую причастность событию. Мы можем понять текст, только когда уже его понимаем. Странная мысль. Но, честно говоря, если мы заранее не имеем представления о том, например, что такое театр, то

увиденное на сцене действие будет для нас лишь частью непознаваемой реальности, в которой трудно отыскать смысл. Зачем все эти люди ругаются и ссорятся, плачут и радуются, а другие на них смотрят? Если я не знаю, что такое игра актера — все сольется в едином непонимании, даже если все слова, произносимые на сцене, будут понятны. Мы можем понять смысл сказанного о событии, только когда сами имеем опыт понимания этого события. Контекст события для толкователей и для нас часто остаётся всего лишь отдаленной историей, которую невозможно догнать из настоящего. Остается только созерцать мистическую внезапность сакрального, вдыхать ароматы непостижимого, прислушиваться к звукам неслышимого.

Из контекста

О Дуччо ди Буонисенья, итальянском живописце периода проторенессанса, нам известно хотя бы то, что у него был скверный характер. Он часто ссорился с властями, и в жизни его было мало порядка, строптивый нрав часто становился причиной его бедности и злоключений. Но именно ему жители Сиены доверили самое драгоценное — написать образ Заступницы и Спасительницы, Пресвятой Богородицы. В 1260 году после победной битвы при Монтаперти с флорентийцами, сиенцы провозгласили Богоматерь своей верховной правительницей. К 1308 году потребовался новый запрестольный образ для городского собора. Особая комиссия из почтенных и влиятельных людей города выбрала Дуччо единственным достойным художником. Великолепное мастерство исполнения этого подлинного шедевра не подлежит сомнению. Последний вздох гаснувшей готики, и влияние строгой византийской манеры письма завораживают. *Maesta*, как называют этот алтарный образ, означает «Величание». т.е. прославление Пресвятой Богородицы. Дуччо писал, что хочет, чтобы каждый, кто видит его творение, ощутил в своей душе праздник. Но праздник этот вовсе не в изящных линиях, не в мельчайшей прописанности деталей, не в ритме чередования ярких, насыщенных цветов, и даже не в красоте ликов. Праздничное ликование не выражено ни жестами, ни улыбками, оно скрыто от нашего представления за пеленой молчания.

Молчание

Молчание пропитывает всю картину особой атмосферой, кажется, что все разворачивается из его таинственной глубины, все в ней укореняется и в нее ведет. Даже младенец на руках у Богоматери не благословляет нас, и даже не льнет к матери, как обычно изображают на иконах. Он молчит и смотрит на нас, ничего не выражая и ни на что не указывая. Реальность, поданная наружу в изображении, словно превосходит сама себя своим молчанием, она не предъясляет смысл, и не утаивает его, она просто есть, бытийствуя, она никуда не вторгается своими смыслами, своим предписанием, она является как данность, смотрящая на нас, предстоящая перед нами.

Молчание — это то, что вне речи, вне того, что нам известно. А значит нужно прекратить речь, прекратить бесконечное предъяснение собствен-

Дуччо ди Буонисенья. *Maestà*.
1308–1311. Сиена. Италия.

ных смыслов и их изложение, чтобы его услышать. Изложение является повторением, замыкающим нас на самих себе. Ведь Бог и так все знает. Тишина есть погружение в собственную беззвучность, чтобы услышать Иное, стать иным. Тишина есть наша беззвучность внутри слова, внутри Слова, которое не наше. Поэтому молитва рождается из тишины, из тишины рождается величание, как радость от величия, которое не может ощутить упакованное в слова сознание. Молчание убирает расстояния между человеком и Богом. Мы говорим через свои значимости, которые всегда имеют обусловленную миром причину, в молчании нет причин, в молчании все доступно своей непосредственностью. Молчание — есть забвение себя и потому именно монахи принимали на себя подвиг молчания в качестве нежелания больше понимать Бога человеческим языком и словами, желая погрузиться в Божественность безмолвия.

То, что открывается в молчании, это слышимость других языков, прежде всего языка природы и языка другого человека. Созерцание прекрасного обычно совершается в тишине, и кажется, что даже наши радостные вопли слишком ничтожны перед великолепием прекрасного, они ему не соответствуют, в отличие от величественности тишины.

Молчание создает свой язык, обозначающий то, что стало ему доступно, что пришло к нему само из бытия. Адам давал имена зверям, которые сами к нему приходили. Их присутствие и становилось их подлинным смыслом, присутствие перед пониманием Адама. Мы часто знаем многие вещи косвенно, имея лишь отдаленное представление, выраженное лишь практикой употребления некоего слова. Например, если я говорю слово «смирение» или «покаяние», это вовсе не значит, что само смирение или покаяние предстоят передо мной в своей истинной значимости. Они только обозначения, для того, что

Эдвард Мунк
Крик, 1893

еще нужно узнать, лишь знаки смыслов, неспособных открыться через слова. Адам создавал смыслы в их присутствии. Так, смысл получало самозначимое, но без Адама бессмысленное бытие. Его самозначимость открывалась его собственным присутствием, а смыслы открывались в словах, вышедших из собственного молчания.

Тишина

В таинственной песни Великой Субботы мы слышим: «Да молчит всякая плоть человека». Мы говорим плотью, т.е. тем, что связано с миром. Молчание есть смерть плоти, ее умолкание, как самостоятельного бытия. Как бытия, которое само говорит за себя. Но любая конечность губительна для слова, для жизни, говорящей самой за себя. Всему приходит конец, принудительный и горький. Молчание всегда рождалось со смертью. Пост тоже есть некое молчание, молчание плоти. Последнее молчание, как смерть, открывает постоянную недосказанность жизни, которая всегда обрывается на полуслове. Молчание выходит из самозамкнутости своих слов, опрокидывая человека в собственную

неподвижность. И эта неподвижность есть ручательство, отдача себя в руки Божественного, когда слова уже больше не нужны.

На этом большом алтарном образе Величания Пресвятой Богородицы, есть надпись: «О, Святая Богородица, даруй мир Сиене и жизнь Дуччо, который написал тебя так». Само письмо было словом Дуччо к Богу, само письмо было его жизнью. Это письмо было выражением Божественного, но не самим Божественным. В нем Божественное лишь раскрывалось. Дуччо создавал возможность рождения Божественного в мире. И даже тишина его *Maesta* была словом. И в этом слове был он, его слава, его вечность, его продолжение, но он сам не может обладать собственной славой, собственной вечностью, осуществленной в творении, он может лишь пребывать в тишине. Единственное, что может быть по-настоящему собственным, так это тишина. Она всегда присутствует перед нами, с нее начинается познание, с нее начинается жизнь.

Крик и тишина. Мунк.

Что я могу сказать о тишине? Я могу сказать, что это крик, жгучий, непонятный, почти животный крик. Он пронзает все вокруг, все закручивает в свою черную пронзительность, он все обрывает и ломает, заставляя вибрировать каждый объект вокруг, каждое сердце содрогнуться.

Вам кажется — тишина нема? Она кроткая и смиренная, она прячется где-то на дне вашего существа? Нет. Она всюду, где только мы забываем о скреплении причин и следствии, где рутина жизни обнажается, выставляя свои цепкие конечности. Тишина кричит, она обмокает все в тошноту своего присутствия, все становится запачканным, грязным, все тлеет, рвется, дичает, все рядом с ней словно растворяется, словно умирает в истошных муках. Вы никогда не слышали такой тишины?

Мунк рос в религиозной семье. Бедность, куча сестер и братьев, туберкулез... Отец считал увлечение сына рисованием греховным. Страх — вот связующее звено, соединяющее нас со смыслом жизни, страх и вина. Это очень по-европейски, очень...

Вина была повсюду, она высвечивала божественную благодать темнотой своего ничтожества, она заставляла сиять Божество в жизни, как путеводную звезду бытия. Черная ночь. Все далеко от идеала, но если все так далеко, то значит, чем дальше мы чувствуем это расстояние, тем ярче идеал, тем более дорог катарсис.

Конечно, должно было последовать отчуждение и от дома и от смысла... таких жестоких, таких страшных... Безбожие, разврат... все для вины, для бесконечных мук, внутри которых уже не нужно думать о соответствии...

Мунк любил отца, когда его не стало, он впал в жестокую депрессию и чуть не покончил с собой. Он взял в долг деньги, обрекая себя на финансовую зависимость, чтобы обеспечить семью. Все, что он делал — было попыткой соприкосновения с настоящим, с реальность в ее подлинном кричащем бытии.

Однажды он шел с друзьями по сельской местности и вдруг услышал... услышал как кричит природа. Вот этот крик и был тишиной, пронзительной и больной, как сама жизнь. Он любил и не был счастлив, он сам отказался от любви, а потом лечился в психиатрической больнице и наконец... умер... в фашистской Норвегии.

Иногда мне хочется ощутить эту тишину, которая взрывается как крик, ее закручивающуюся воронку, вползающую в темную бессердечность и нечувственность мира. Тут нет связи, тут оборванность линий, расчерченность страхов, безумие бескрайнего.

Не важно, как мы будем рассматривать эту картину «Крик». Собственно никакого объективного статуса она не имеет, она лишь модель, внутри которой прячется два острых камня — боль и мир. Высекая искры из них, художник достигает настоящего. Его настоящего, его собственной души, любящей и виноватой, сумасшедшей, но не привязанной к повторяемости бытия, к его парменидовской статике, он свободен, он летит... Кому нужно это замшелое счастье у пруда с розовыми фиалками, если там нет этой сочащейся раны, этой вспоротой плоти мира, такой живой и настоящей в своем смертельном гниении?

На картине нас окружает бытие, которое рвется и трепещет, которое истошно надрывается, кричит и ерзает у нас перед глазами. Мы привыкли к пассивности бытия к его дикому, безумному однообразию. К его незаметности. Но лишь потому, что мы не живем в разрыве, мы обречены на обыденность. Мы все сложили и все стало. Мы смирились с несовершенством и разрослись симулякрами. Что будет, если я закричу? Будет констатация истерики, нервный срыв, доза валерьянки или аминазина. Я не хочу кричать, потому как в моем крике уже все предопределено и известно, в нем все означено и понятно, он сама я. Как это мелко и грубо. Как это

субъективно! Крик окажется лишь знаком, знаком либо внешней опасности, либо моего душевного состояния. Все варианты закончились...

Но о чем кричит тишина? Она не есть я, но она кричит во мне, она не связана с моей жизнью, но проникает до самых ее оснований. Она кричит своей непомерной безудержностью, своей неостановимостью, своей неустроенностью, неуютностью, своим красным закатом, таким бессмысленным и жутким, своими синими тенями...

Да, может мы все давно умерли, но жизнь жива, она снится нам в собственной тишине, она давит на нас своими границами предметов. Но если что-то живо, как я могу не чувствовать в ответ? Если что-то протягивает свои руки ко мне, свои убогие страшные руки, как я могу не вырвать из себя то, что делало тишину тихой, что заглушало ее, что давило ее и презирало. Я хочу, я жажду любить это живое, бесконечное создание тишины... жизнь.

Картина Мунка вовсе не о страданиях и не о страхе, на ней нет и тени психологизма, она о любви, о любви к жизни. Что? Вы скажете лучше любоваться цветочком, вдыхая его аромат, говорить о ценностях существования? Я не могу пережить жизнь в этой красоте, в этом трепетном сиянии лепестков, которые скоро умрут у меня на глазах, если я переживаю их жизнь, значит, мне нужно пережить и их смерть. Пережить их молчание. Мы же считаем их жизнью, замечаем лишь их цветение, оставляя все остальное втуне. Их красота легка и безоблачна. Но в ней нет того, что могло бы подчеркнуть мою грубость перед лицом ее непомерной хрупкости. Их смерть — вот, что делает их понастоящему ценными.

Считалось, что смерти нет, она граница бытия. Но бытие и смерть одно и они живы, они вместе — тишина. Кричащая, ревущая тишина. Видимое жизни есть невидимое смерти, но в крике жизнь и смерть заползают друг на друга, смещаются. Крик — это боль. Это страх, это ужас. Это разрыв привычного шума. Это жуть в своей пронзительной явленности. В своей немислимой ясности. Бытие похоже на крик. Оно раскрывается в заползании одного на другое, в смятенности между жизнью и смертью. Я есть или меня уже нет? Здесь уже нет границ человеческой монады, они рушатся в крике. Потому как он для всех, он никогда не индивидуален. Он темная точка пространства, которая засасывает в себя все смыслы привычного мира, всю гармонию природы, он ничто и он единственное, что подлинно существует...

Вдохновение

Как мог бы кто укрыться от незаходящего огня
(Гераклит)

**Картина первая.
Расплавленность.**

I

Огонь. Огонь, безумствует пламя.
Стекло, пенопласт, душа-
материя сгущается,
вдох,
материя разрезается,
выдох.

Тело дышит символами,
мехи ночи работают легкими,
жарко.

II

Голоса мира застыли шепотом в коридорах связей,
мы вырываем себя из связей.
Все рвется ритмом, сгустками воздуха,
Рассекая безумием твердость мира,
новая ткань эфира -
это крик.

Вот и нет причин и следствий,
лишь ритмы голосовых отверстий.

В снах болезненно гулких,
С облаками смешав переулки,
Новую телесность выскабливаем железом
Из мягких тканей,
И сны изрезав,
Вдыхаем пламя.

Все в безудержном ритме
Плавятся стоны, рифмы,
жесткая палица,
Кнут сердечного крика:
Родиться снова
Как слово
Как запеканка
Из белого творога.
Мы не дети этого города,
Не продукт теорий аналитический,
Мы — спички в небе арктическом,
зажигающие Северное Сияние,
Мы — это дыхание.

**Картина вторая.
Символы.**

Я чувствую свое тело. Оно здесь только пока я о нем думаю, в следующий момент я целиком растворяюсь в волнах, на которых качаются предметы, образы, желания.

Меня нет ни в одной точке пространства, и я везде. Перетекаю из смутных ощущений тела к знакам желаний. Каждая видимая вещь отсылает к чему-то моему, личному: к воспоминаниям, стремлениям, опыту. **Знаки вписаны в меня**, они расчертили мой мир связями вещей и действий. Они отсылают всегда к прошлому. В них смыслы оказываются лишь привычкой.

Чтобы встретить новое и саму себя, **породить свой собственный смысл**, мне нужно прекратить бесконечное перетекание от одной цепочки знаков к другой. **Умереть в каждом объекте, мысли и слове**. Все распадется на бесконечные атомы, вибрирующие в пространстве, на бесконечную вселенную хаоса, в которую можно опустить семена своего безумия.

Молчание... В нем у человека нет прошлого, нет будущего, есть только обращение к своей собственной пустоте. Молчание **останавливает движение круга мыслей**, цепляние за привычные связи. Оно отрывает мир от образа мира, его статичной рубленой резцом рациональности маски. Оно обращено к тому, что не может быть задано извне.

Молчание это первозданная всевозможность, тишина, говорящая о том, что свой голос возможен, что у него есть место и он может говорить, создавая, и создавать, говоря. Все существующее, обременено тяжелой привычкой к определенности и функциональности. Но в голосовом оклике, в наименовании из пустоты молчания, вещь вливается в новое существование, расплавленное человеческой аффективностью.

Для того чтобы использовать предмет не нужно давать ему имя. Имя это возможность смотреть на вещь как на узел эмоциональной связи с «мы». «Мы» это одно из первых слов человечества, оно родилось задолго до «я». **«Мы» это «я» и бог**, это пространство первичного золотого века, рай всегдашней растворенности в целом. Но **человек сегодня существует как «я», связанное с «мы» нехваткой**.

Нехватка, разрыв, отчуждение, первичная человеческая депривация открывает начало движению голоса. Разрыв пуповины знаменуется кри-

ком. Крик восполняет нехватку волеизъявлением, призывом. **Голос всегда будет связью человека с человеческим**, он будет напоминая о нехватке и заявлением власти присутствия. Крик породит слово как волеизъявление и как восполнение неприсутствия в «мы».

Символическое пространство связано с пространством биологическим телесной ауторитмией. **Ритм обнаруживается во всякой человеческой деятельности**: начиная с сердечного ритма, заканчивая патологическими тиком и тремором. Изменения ритма могут быть связаны с чувствами страха, гнева, радости, спокойствия. Но ритм может быть и независимым от чувств, проявлением своего существа. Ритм это подоснова, на которую нанизана эмоциональная и смысловая организация человеческой деятельности. Он высвобождается в качестве самостоятельного, ауторитма, в символическом. Здесь он способен определить собой биологическое и психическое, воздействовать на них изнутри.

Телесность ритма становится телом нового символического мира, его рабочими органами и тканями. **Ауторитмия проявляется в голосе, орнаменте, жесте, в ней биологическое растворяется в творческом акте.**

Символ, как нейрон, растет синопсами в том направлении, куда его подталкивает удивление, самораскрытие. Он связывает знак, вещь и тайну, как молчаливое, еще не успевшее выразиться желание. В символическом связи произвольны и зависят

только от самоопределения. В них нет ни природной, ни социальной детерминированности.

Тело символа вещественно, его воздействие задает тон существованию. И одновременно оно является **плотью всевозможности**, творящим словом. В творческом акте рождения символического раскрывается безумие мира и бессмертие сознания.

Картина третья. Бессмертие.

В тусклое небо проросли крылья,
В туман огоньки заплелись ночью,
Сухие листья — нареку былью,
Огонь разожгу среди полей-строчек.

Мне ночь говорит: распахни дали,
Коробки домов распакуй в осень,
Могильники слов твой распев ждали,
И тайну пронзить тишина просит.

Вот небо зарю раздает-жалит,
И смог городской протянул пепел,
Душа из чернил, словно дым, валит,
И голос сорвал среди губ ветер.

Мне солнце причин распекло тело,
Глазницы небес катят сны к краю,
Бегу из земли в облака смело
Чадящим стихом, от земли к раю.

Список литературы:

1. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М., 2010.
2. Heller, Reinhold, ed. Munch: His Life and Work. London: Murray, 1984.
3. Italian Frescoes: The Early Renaissance 1400–1470. London, 1996.

References (transliteration):

1. Girenok F.I. Udovol'stvie myslit' inache. M., 2010.
2. Heller, Reinhold, ed. Munch: His Life and Work. London: Murray, 1984.
3. Italian Frescoes: The Early Renaissance 1400–1470. London, 1996.